

Чем дольше Чжао Цзи размышлял об этом, тем сильнее закипал от гнева. Наконец он ткнул локтем Сяо Тунцзи:

— Немедленно отнеси все поданные свитки в Центральный секретариат. И передай мою волю: к завтрашнему утреннему приёму Министерство ритуалов должно составить чёткий план действий. Что же до пропажи Самострелов Божественной Силы из арсенала — всех причастных, от мелких писарей до чиновников, проверявших отчёты, покарать по всей строгости закона!

Западное Ся пока оставалось лишь главным подозреваемым, но никак не уличённым преступником. Единственные сведения, которые Чжао Цзи сумел раздобыть, указывали на то, что у горы Белого Верблюда имелись связи лишь с Западным Ся. Прямых же улик на руках не было.

Ситуация складывалась щекотливой. Напиши он сейчас хоть сотню грозных писем с требованием призвать их к ответу, наглые тангуты просто отмахнутся и сделают вид, что ничего не знают.

Дело принимало слишком серьёзный оборот, так что дипломатические тонкости лучше было обсудить сообща на завтрашнем совете.

Разобравшись с внешними делами и внутренним ведомственным хаосом, Чжао Цзи мысленно наточил клинок против предателей. Он повернулся к Чжугэ Чжэнво:

— С сегодняшнего дня объявить в столице осадное положение. Все собранные сведения передай Чжао Цяню. Я немедленно издам указ, чтобы Управа Кайфэна оказала тебе полное содействие в блокаде города. Отправляйся к Чжао Цяню, пусть выставит людей. Силами гвардейцев Юйлинь на внешних рубежах и Управы Кайфэна переверните весь город, но найдите мне эту девку, Линь Сяньэр. Из-под земли достаньте!

Банда Денежного Листа во главе с Сян Ланчоу были лишь слепыми орудиями в чужих руках — безмозглыми пешками. Но Линь Сяньэр! Будучи подданной империи Сун и зная всю подноготную, она не только помогла вражеским шпионам проникнуть в столицу, но и собственноручно расправилась с имперским чиновником ради кражи оружия. Более того, она устроила среди бела дня резню на улицах Кайфэна, пытаясь убрать Сян Ланчоу.

Кто дал ей право так нагло плевать на законы? Неужели эти цзянхуские бродяги возомнили, будто на престоле сидит пустое место, а императорский двор ничего не решает? Одно лишь её предательство заслуживало сотни смертных казней.

От ярости у Чжао Цзи едва волосы на голове не зашевелились. Ему безумно хотелось самолично схватить Линь Сяньэр за шкуру и свернуть ей шею. Тоже мне, «первая красавица цзянху»! Будто на ней клином сошёлся свет. Красота даёт право продавать родину? Обычное смазливое личико, способное вскружить голову лишь похотливым глупцам. Больше от неё никакого проку, и уж точно смазливая мордашка не заменит ей охранную грамоту от палача.

— Живую брать! Доставить в Управу Кайфэна и допросить. А после суда — вздёрнуть без малейшей пощады. Окажет сопротивление при аресте — прикончить на месте.

Чжугэ Чжэнво почтительно поклонился:

— Будет исполнено, Ваше Величество. Я немедленно разошлю ориентировки на розыск Линь Сяньэр.

Но если сама девица была чистокровной уроженкой земель Сун, то стоящие за её спиной кукловоды...

— А как быть с горой Белого Верблюда? — нерешительно спросил Чжугэ Чжэнво.

В Западных землях всё было запутано до предела: множество мелких царств, у каждого свои законы. А Гора Белого Верблюда к тому же обладала собственной казной, сильной армией и тысячами искусных бойцов. Настоящее государство в государстве.

Чжао Цзи, сжигаемый гневом, твёрдо отрезал:

— Никуда они не денутся! Я лично засажу братьев Оуян Фэна и Оуян Ле за решётку, пусть хлеблют тюремную похлёбку до конца своих дней!

Выпустив пар, император вспомнил о титуле «Пяти великих мастеров» и слегка приуныл. Но, стараясь не терять лица, поспешил добавить:

— Как выйдешь из дворца, поторопи Министерство ритуалов и Министерство армии. Пусть поскорее объявят в войсках о начале состязаний и проверке боевых искусств. Крайний срок — послезавтра. Заодно отправь людей в Цзяннань. Пусть отыщут юношу по имени Хуан Яоши и срочно доставят во дворец. И не забудь послать гонцов в Дали — передай князю Дуаню моё личное приглашение погостить в Кайфэне.

Один только Оуян Фэн сулил немало хлопот. А ведь его брат Оуян Ле, унаследовавший тайные боевые искусства их рода, наверняка окажется ещё опаснее. Чжао Цзи снова взгрустнул, едва ли не хватаясь за голову от досады.

Появление Четырёх великих сыщиков казалось манной небесной, но в нынешних обстоятельствах это была лишь капля в море. Людей отчаянно не хватало.

Высочайший указ мгновенно доставили в Центральный секретариат, что располагался по соседству с Залом Гражданской Добродетели. Представители Двух палат тут же запросили аудиенции, чтобы прояснить детали.

Чжао Цзи уже приготовился закатать рукава и лично растолковать Цай Бяню и остальным, как именно наглые иноземные шпионы спелись с местными предателями, подтачивая устои государства.

Но тут, как назло, прибыли даосы, которых он велел разыскать ещё утром. И не один, а сразу трое.

Едва услышав имя одного из прибывших, Чжао Цзи позабыл обо всём на свете. Он перепоручил Чжуймину, который вел расследование с самого начала, отчитаться перед Двумя палатами и дежурными чиновниками Секретариата, а сам, подобрав подол расшитого драконами одеяния, чуть было не бросился к выходу.

Сделав пару быстрых шагов, он вовремя спохватился. В эпоху Сун жесты в духе Цао Цао, который мог выбежать к гостям босиком, чтобы схватить их за руки, вряд ли пришлись бы ко двору. Если он сейчас вылетит навстречу сломя голову, то лишь перепугает почтенных старцев.

Поэтому Чжао Цзи поспешно вернулся к трону, предвкушающе потёр ладони и, чинно уложив руки на колени, принял самый благообразный вид. Прочистив горло, он негромко бросил Сяо Тунцзи:

— Проси почтенных отшельников войти.

Сяо Тунцзи готов был поклясться небом: за всё время службы он ни разу не видел государя столь кротким и взволнованным. Заразившись этим нетерпением, евнух тоже сгорал от любопытства. Он торопливо пересёк залу и почти бегом направился к воротам, где ожидали гости.

У входа стояли трое даосов.

Тот, что стоял слева, облачился в парадное даосское платье. В руках он держал привычные атрибуты истинного подвижника, а его широкие рукава украшал узор с символом багуа. Сяо Тунцзи сразу узнал его. Это был Лю Хунькан — знаменитый наставник, снискавший в Кайфэне великий почёт за свои глубокие познания в учении о Дао. Покойный государь и ушедшие в мир иной князья частенько призывали его для духовных бесед. Настоящий столп веры во всей империи.

Второй старец выглядел на его фоне куда скромнее — во всяком случае, евнух видел его впервые. На нём красовалось простое холщовое платье, а за спиной висел объёмистый узел, из прорехи которого виднелись крупницы киноvari. Похоже, этот затворник знал толк в алхимическом искусстве выплавки пилюль бессмертия.

Третий же даос казался совсем незаметным. Одетый в невзрачный серо-голубой халат, он заколол волосы простой деревянной шпилькой. На дворе стояла зима, а он пришёл в подшитых

соломой лёгких туфлях. На вид ему было около тридцати лет, безбородый. Лицо его отличалось приятными чертами, но в сравнении с благообразным, точно парящим над землей Лю Хуньканом, этот путник походил скорее на просоленного порохом и кровью воина, нежели на святого мужа.

Окидывая гостей быстрым взглядом, Сяо Тунцзи тут же решил, что государь с таким нетерпением ждал именно великого Лю Хунькана. Он вежливо поклонился именитому старцу:

— Приветствую вас, почтенный мастер Лю.

Даос сдержанно кивнул в ответ.

— Его Величество ожидает, — евнух посторонился, указывая путь. — Прошу вас следовать за мной.

В Зале Гражданской Добродетели Чжао Цзи томился в мучительном ожидании. Грудь сдавило от волнения, сердце заходило в бешеном ритме. В последний раз он испытывал такое волнение лишь в прошлой жизни, ещё в школе.

Тогда он тайно вздыхал по первому красавцу школы, с которым играл в одной баскетбольной команде. Как-то раз после тренировки Чжао Цзи сделал пару глотков из бутылки с водой, когда этот парень хлопнул его по плечу и попросил допить. В тот миг, когда пальцы соприкоснулись, чужой большой палец мимолетно коснулся костяшки его указательного пальца. Чжао Цзи казалось, что это место горело огнём ещё три дня. И долгие годы спустя, стоило ему вспомнить тот вечер, кожа на руке словно вновь хранила то обжигающее прикосновение.

Но безответное чувство так и осталось тайной. Чжао Цзи слишком хорошо понимал суровую реальность. В те годы к парням «неправильной» ориентации общество относилось далеко не так терпимо, как десятилетие спустя. Устраивать бурю в собственной жизни ему не хотелось. К тому же вокруг того красавца вечно вились стайки девчонок — куда уж там закоренелому натуралу разглядеть чувства товарища по команде.

Опасаясь, что мимолётный порыв превратит его жизнь в хаос, и понимая, что при виде этого парня сердце готово выпрыгнуть из груди, Чжао Цзи решил отступить. Дружба казалась самым надёжным прибежищем. Когда тот юноша заметил холодность и попытался выяснить, в чём дело, Чжао Цзи лишь сослался на нехватку времени из-за учёбы. А чтобы ложь выглядела убедительно, и вовсе ушёл из баскетбольной секции. Особого рвения к книгам у него от этого не прибавилось, но, поскольку учились они в разных классах, встречаться они стали реже, пока их пути окончательно не разошлись.

Но видит небо! Прямо сейчас его пульс бился с той же неистовой силой, как тогда, у кромки баскетбольной площадки. Кто бы мог подумать, что томительное ожидание способно воскресить эти давно забытые юношеские чувства.

Пока он изнывал от нетерпения, двери распахнулись, и в зал вошёл Сяо Тунцзи, ведя за собой троих гостей в рясах. С первого же взгляда Чжао Цзи понял, кто именно перед ним. Ошибиться было невозможно.

Даосы поочерёдно склонились в глубоком поклоне. Когда очередь дошла до третьего, Чжао Цзи наконец услышал заветные слова:

— Ничтожный даос из школы Совершенной Истины, Ван Чжунъян, приветствует Ваше Величество.

О боги! В этот миг в голове Чжао Цзи зазвучали победные фанфары! Ван Чжунъян из школы Совершенной Истины! Тот самый легендарный Центральное Божество Ван Чжунъян!

Среди Пяти великих мастеров Ван Чжунъян был тем, на чьё появление император надеялся меньше всего. И дело не только в том, что он считался сильнейшим. Судьба этого человека петляла невероятными зигзагами: успел повоевать, собрать собственное ополчение, а после отставки заперся в Гробнице живых мертвецов, откуда вышел уже в монашеском облачении.

При такой пестрой биографии искать его было делом безнадёжным. Отправь людей искать его по гарнизонам — а он, может, уже давно принял постриг. Разошли указы по всей Поднебесной — и сыщики притащат сотню его тёзок со всех окраин.

И надо же — этот неуловимый мастер сам явился к нему во дворец! Какое невероятное везение! Легендарный великий воин явился как раз вовремя, чтобы спасти государя от неминуемой головной боли.

Теперь, когда на его стороне стоял сам Ван Чжунъян, Чжао Цзи мысленно торжествовал: ну и кто теперь посмеет бросить мне вызов?! С таким козырем в рукаве можно смело вести войска на гору Белого Верблюда, чтобы скрутить братьев Оуян и засадить их в глубокие казематы!

<http://bllate.org/book/18987/1985481>